

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

В НАЧАЛЕ июня в столице Дагестана открывается расширенный выездной секретариат правления СП РСФСР на тему «Национальное и интернациональное в литературе Северного Кавказа (1976—1980 гг.)». Это большое событие для литераторов не только данного региона, но и всей России, всего Советского Союза. И — честь для Дагестана, который будет принимать гостей. Отсюда и первый вопрос в беседе с председателем правления Союза писателей Дагестанской АССР Расулом Гамзатовичем Гамзатовым:

— Как вы расцениваете значение махачкалинской встречи?

— Во-первых, она будет предшествовать съезду писателей РСФСР, который, как известно, открывается в декабре. Значит, разговор на ней пойдет о своеобразных итогах — как недавних, так и довольно продолжительных — работы Союза писателей России между съездами. Во-вторых, на выездном секретариате будут «отчитываться» все северокавказские литературы, а это — событие в их культурной жизни. И в-третьих, наша республика в этом году отмечает 60-летний юбилей. И принятие гостей со всей страны, показать им достижения Дагестана за годы Советской власти — большая для нас радость. Мы их с нетерпением ждем.

— Читатели «Литературной России», думаю, еще ознакомятся в преддверии выездного секретариата с именем известных наших писателей о путях развития литературы Кавказа. Что бы вы могли сказать о дагестанской литературе, и в частности о поэзии?

— Всякий труд — это поэзия, если несет в себе высокий смысл. И проза — это тоже поэзия. Только нельзя низводить ее до голого бытописательства. Жизнь неохватна, и, чтобы отразить ее, поэзия и проза, сами будучи жизненными, должны сливаться воедино. Случайный факт — не предмет внимания для литературы. Только явление, предполагающее возможность обобщения, имеет право на это. Но и совокупность фактов рождает явление. Раньше дагестанская поэзия «оперировала» одними только фактами. Это было неплохо, но, чтобы стать лучше, ей не хватало обобщений. Сейчас же недостаток многих молодых дагестанских литераторов в том, что они «бегут» от фактов к «голым философствованиям». Что толку мудрствовать без почвы под ногами! Греша этим, молодые люди забывают, что лишь умело выбранные факты могут позволить им роскошь делать выводы. Причем пусть к этим выводам приходит не автор, а тот, кто его прочтет. Только в этом случае мы будем иметь дело с истинной литературой: поэзией и прозой.

— На выездном секретариате в Махачкале будут обсуждаться северокавказские литературы. Что бы вы могли сказать об их развитии за последние годы?

— Они заметно возмужали, и здесь я сужу по именам и книгам. Хорошая растет молодежь. Не вся, конечно, но та, которая интересно мыслит, ищет свои пути в литературе. Рано или поздно к ней приходит осознание своей роли как выразителя дум и чаяний своих народов. Возьму роль ногайской поэтессы Кадрии. Она шла к пониманию того, что через ее стихи древний народ ногайцев стал выражать пусть и частичку, но своей души. Она писала о земле-матери, о земле кормилице, а ведь это для ногайцев совершенно новое чувство: только после революции бывшие кочевники перешли на оседлость.

Все наши кавказские литературы меньше стали злоупотреблять экзотикой, всегда скользящей по поверхности жизни и ее

Расул

ГАМЗАТОВ:

«ВСЯКИЙ ТРУД — ЭТО ПОЭЗИЯ...»

явлений. Идет поиск вглубь. К нему примыкает и изучение достижений других литератур. Такой сплав — фольклора и последних веяний в мировой литературе (а лучших, конечно, проявлениях) — дает свой положительный результат.

— Расул Гамзатович, у вас много общественных обязанностей. Как вам удается совмещать их с творческой работой?

— В нашей стране — если по большому счету — нет такого разграничения деятельности: на общественную и личную. Если бы ко мне не приходили люди со своими заботами, то я не был бы собой. Это — часть моей биографии, а она неотделима от биографии литературной. Тот не человек, чей талант шагает в противоположную от его собственного пути сторону.

— А не кажется ли вам, что количество литераторов очень уж быстро растет? В лучшую ли сторону?

— Как председатель правления Союза писателей Дагестана я забочусь о количестве, а как литератор — о качестве. Жизнь — борьба противоречий. Наличие хороших изданий объясняется работой хороших писателей. Но плохими изданиями их не воспитаешь. Так замыкается круг. И не мне решать, кто хорош, а кто плох. Писателя судят читатели. О многих, что сверкали вчера, ныне и не вспоминают, а те, что были в тени, сегодня читаемы и почитаемы. В дагестанской литературе навеки останутся Махмуд, Ирчи Казак, Этим Эмин, Батырай, Абуталиб, Гамзат, Сулейман, Эфенди Капиев. Эту проблему решает народ. Ведь всякий, не сомневаясь в своей работе, на обвинение другого может ответить: я-то хорош, а вот ты плох. И попробуй что-нибудь докажи. Кое-где вообще писателей нет — одни классики. Самомнению я предпочитаю сомнения, они меня мучат. Кстати, молодые любят становиться в позу. Это плохо. Один из них провозглашает: «Спасибо, Дагестан, ты меня сделал поэтом». Спрашивается: почему он уверен в этом? Кто его читает? Писать стихи — невелика заслуга, их пишут миллионы. Писать — не значит быть поэтом. Быть читаемым — вот задача.

— Что из прошлого вы бы взяли в сегодняшний день, чтобы приблизить будущее?

— Мужество, нежность, справедливость, доброту... Ведь сказал же Ленин: надо взять с собой все лучшее. И я не всегда хочу и не всегда могу объяснить пережитками прошлого сегодняшние наши собственные недостатки. В Дагестане принято уважать старших, и нам стоит так же относиться к прошлому в его лучших и потому нужных нам сегодня проявлениях.

— Ваша книга «Мой Дагестан» завоевала широкое признание среди читателей страны. Как вы сами относитесь к ней сейчас?

— Эта мечта — рассказать о Дагестане все, что думаю о нем, что знаю, — жила во мне давно. Собственно, она и заставила меня писать, сделала меня тем, кем

я стал. Мне хотелось показать людям свой родной край таким, каким живет он в душе каждого дагестанца; хотелось сказать: смотрите, вот каков Дагестан — без прикрас, живой, теплый. Смотрите, как он разговаривает, отдыхает, любит, веселится, печалится, как он ругается и как поет, как спит и как танцует. Я понимал, что никогда до конца не справлюсь с этой задачей, но если хочется прийти даже в соседний аул, то надо собираться в дорогу, а не сидеть дома. И я пошел. Дорогу осилит идущий — прекрасная пословица.

— Когда выйдет обещанная третья часть книги «Мой Дагестан»?

— Я сейчас работаю над ней, пишу. Впрочем, работа теперь состоит в основном из сокращения уже написанного. Надо убрать лишнее, все, что может помешать восприятию главного. Я пишу книгу как конституцию горской жизни, стараюсь раскрыть главные ее законы.

— Поясните, пожалуйста.

— В моей конституции семь статей. Назовем их, скажем, так: Мужчина — о том, что значит для горца мужчина, Женщина — какова она глазами горца, Старшие, Младшие, Гости, Соседи, Друг — о том, что влекут собой для горца эти понятия. Через эти семь статей я хочу короткими новеллами нарисовать образ Дагестана. Мужчине должен быть мужественным, и я веду речь о двенадцати кинжалах. Но интересуют меня не их украшения, а то, в чьих руках они побывали. Об этом рассказывают кинжалы и их ножи. Я пошел по очень трудному для себя пути, ведь моя конституция являет в себя нравственные законы, по которым Дагестан живет много сотен лет и которые вечно будут находиться во всенародном обсуждении.

— Пробовали вы себя в других видах литературы? В драматургии, например?

— Пробовал, но не получилось. Вернее, что-то, конечно, получилось, но не то, что я хотел бы. В драматургии к тому же конечный результат во многом зависит от таланта и труда самых различных людей: актеров, режиссеров, редакторов, художников, костюмеров, осветителей... И все вносят свои поправки. Их слишком много, и я, по характеру человек слабый, этого не выдерживаю. Я хочу сам отвечать за свои слова, за все, что создал, за каждую букву. И поэтому все, что хочется, лучше скажу людям в поэзии. Пробовал я себя и в кино. И тоже не получил желаемого эффекта. По хорошему сценарию режиссер может снять плохой фильм, а по плохому материалу у него вдруг выходит более-менее нормальная картина. Нет, извините меня, но это похоже на кроссворд, и мне не очень хочется его разгадывать. Вот когда написал стихи или прозу, когда я сказал, что хотел и как думал, тогда пусть по ним ставят спектакль или фильм.

— Какая черта дагестанского характера, выразительного лица

республики ждет еще поэтического слова?

— Взять великую историю нашего народа. Нет, не древнюю, а за короткий срок — с начала революции. Какие изумительные характеры подарила революция Дагестану! Они не оценены в литературе по достоинству. Мы ищем клады в горах, а они — в душах людей. Это огромное богатство. По-моему, не было другой столь яркой личности в этой истории, какой является Уллубий Буйнакский. А Коржмасов! А Агасиев! А Махач Дахадаев! Какие разные темпераменты, судьбы и в то же время какое единодушие по отношению к Дагестану, какая любовь к нему!

— А если говорить о дагестанском характере?

— Он должен быть проявлением советского характера. Врамена меняются... Когда-то мы воевали только за свой аул, сейчас мы ведем борьбу за все человечество. И образ мышления горца (логика его, конечно, а не суть) отличается от темперамента жителя равнины. В этом ничего удивительного нет: иначе люди не выделялись бы среди людей, а стали однородной, безликой массой. Все реки теряются в Каспийском море, но мы хорошо отличаем бурные горные потоки от несчастливых равнинных рек. Поэтому мы должны иметь свое лицо и в литературе. Меня радует, что внутренняя культура горца всегда была высока. Но сегодня с прежним багажом далеко не уедешь. Необходимо обладать и культурой профессиональной. Только органическое сочетание этих двух культур дает Дагестану истинную интеллигенцию.

— А скажите: какая из профессий, помимо литературной, конечно, лично вам ближе всего?

— Для горца, думаю, самый большой авторитет — врач, потом — землепашец. Что же касается меня, то литература — это ведь тоже человеколюбие.

— Вы повидали почти весь мир. Сложилась ли из пестрой мозаики единая картина? Как вы к ней относитесь?

— По-разному. Как будто у меня два сердца и две головы. Меня часто спрашивают: а как относятся за рубежом к нам? И я тоже отвечаю: по-разному, ведь там тоже живут разные люди. Но одно я знаю твердо: человеку надо любить человека.

— Если за границей знают о Дагестане, то что именно?

— Его историю — прежде всего. Но сегодня все больше и больше с нами знакомятся благодаря искусству наших народов, достижениям в развитии экономики. Недавно в Махачкале были гости из Финляндии, это ими было сказано: дай бог, чтобы братья жили в такой дружбе, как у вас люди разных национальностей. Прекрасно сказано. Да?

— Да. А что более всего вас насторожило в буржуазном мире?

— Необразованность, чванство, самонадеянность. Высказываюсь так решительно потому, что часто был свидетелем того, как беспардонно выносились людские суждения о вещах, совершенно им не знакомых. Многого там не читают и многого не понимают, однако судят обо всем с «ученым видом знатоков». Наблюдать это очень неприятно.

— С кем из ранее живших великих людей вам хотелось бы поговорить сегодня?

— Боюсь даже подумать. Страшновато. Есть такие смельчаки среди писателей, я не из их числа. Но если встретиться, то не поговорить, нет, а послушать их. Я очень люблю «Былое и думы» Герцена. Необыкновенная книга! Хотелось бы послушать Лермонтова, Омара Хайяма. Подумать с ними о России, о мире, о будущем.

Вел беседу
Далгат АХМЕДЖАНОВ
МАХАЧКАЛА

